

М.В. Лобанова

ОСМАНСКИЙ И ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКИЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ НАРОДОВ БАЛКАН В УСЛОВИЯХ ЗАПАДНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КОН. XIX – XX ВВ.

Сегодня, на рубеже XX и XXI столетий, уже можно смело говорить о завершении послевоенной истории человечества. Собственно, очередной исторический этап не просто пройден, он фактически остался далеко позади, уже никак не сдерживая стремительно несущийся вперед поезд человечества. Очевидно, что соответствующие исторические процессы не могут подлежать банальной оценке «хорошо» или «плохо». Просто перед глазами историков, политологов, философов, психологов, в конце концов, перед среднестатистическим обывателем предстает состоявшийся факт, на который необходимо опираться, создавая новое бытие, новый тип общечеловеческого будущего. «Мы живем во времена грандиозного исторического перелома, – пишет о подобном (конец Первой мировой войны) историческом периоде Н. Бердяев, – началась какая-то новая историческая эпоха. Весь темп исторического развития существенно меняется. ...И темп этот не может быть назван иначе, как катастрофическим. Все заколебалось, и у нас получается впечатление особенно интенсивного, особенно острого движения «исторического». Я думаю, – подчеркивает Н. Бердяев, – ...это острое чувство особенно важно для того, чтобы мысль человеческая и сознание человеческое обратились к пересмотру основных вопросов философии истории...» [Бердяев 1990, 4–5].

Итак, мир (как это не раз уже бывало даже в новейшее время) находится в состоянии глобальных перемен. На этот раз человечество столкнулось с проблемой общей трансформации (глобализации), которая, помимо своего центрального культурного и политического значения, захватывает еще и локальные модернизационные процессы, протекающие в отдельных самостоятельных странах и регионах. Речь идет о классической прозападной переориентации социально-политических и культурных институтов, процессе, характерном для стран со слаборазвитой экономикой и общественно-политической структурой. В

лучших традициях слегка подзабытого европоцентризма эти страны обрекают себя на догоняющий тип развития и заявляют об очередном витке модернизации, упрощенно копируя европейскую политическую и социально-экономическую систему.

Подобное «догоняющее» развитие наблюдается сегодня и на Балканах, где многие политологи и историки пишут о прямой преемственности основных аспектов модернизации, характерной еще для конца XIX – начала XX ст. В частности, М. Цонев пишет: «...сегодняшний наш переход есть только логическое историческое продолжение модели общественного развития, воспринятой у нас после Освобождения...» [Дончева 2008, 244–245]. И действительно, нельзя не отметить очевидные успехи той первой модернизации, в результате которой был осуществлен прорыв в экономике, политическая система приведена в соответствие с европейскими традициями, модифицирован и расширен институт начального и высшего образования и т.д. С другой стороны об этом интересно размышляет болгарская исследовательница Х. Дончева, отмеченные успехи в экономическом и политическом развитии не всегда согласуются с современным пониманием термина модернизация. В данном случае под сомнение ставится тождественность категорий “развитие” и “модернизация”, поскольку последнее понятие значительно шире, рельефнее традиционно вкладываемого в него содержания. Модернизация, – пишет Х. Дончева, – “комплексный исторический и социокультурный феномен, имеющий свою специфику в любой стране...” [Дончева 2008, 244]. Подобная культурологическая трактовка понятия модернизация предостерегает от его одностороннего использования. Более того, в таком контексте становится ясно, что характерная для прошлого столетия «линейная» модернизация может оказаться не просто культурно конфликтной, но и достаточно опасной для поступательного развития Балкан, и Болгарии в частности.

Не случайно, размышляя об экспансии как о критерии роста цивилизации, А. Тойнби категорически подчеркивает: «Является ли экспансия достаточно надежным критерием роста цивилизации?.. Мы убедимся, что ответ будет отрицательным. Пожалуй, единственным социальным последствием территориальной экспансии (в данном контексте можно говорить об экономической и культурной экспансии. – Л.М.) можно считать замедление роста, но никак не усиление его. Причем в крайних случаях наблюдается и полная остановка роста...» [Тойнби 2001, 166].

Таким образом, говоря о модернизации не только как об экономической или даже политической категории, но и как о культурном и цивилизационном процессе, необходимо учитывать геополитическую и ментальную специфику региона. В этой связи особое внимание привлекает буферное положение Балкан, расположенных на пересечении стратегических интересов Запада и Востока. Собственно, именно это стало причиной того, что Балканский регион однажды уже принял на себя всю мощь удара Османской пассионарности, грудью прикрывая Европу от разрушительного воздействия Высокой Порты¹. По этой же причине потом и слезами был омыт путь к подлинной самостоятельности молодых национальных государств полуострова. В результате им довелось (в процессе борьбы за политическую и экономическую независимость во второй половине XIX – первой четверти XX ст.) столкнуться не столько с турецким сопротивлением, сколько с резко негативной реакцией Европы.

Итак, процессы, протекавшие на Балканах как 100 лет назад, так и сегодня, несомненно, имеют общие корни и осуществляются в сходных условиях стратегического и цивилизационного противостояния. Однако сказать, что этап формирования государственной и экономической системы в Болгарии после русско-турецкой войны представлял собой вариант типичной догоняющей модернизации, было бы не совсем точно. Ибо в такой трактовке, к сожалению, совершенно теряется общекультурная составляющая балканской, в данном случае болгарской, социально-политической трансформации – теряются

характерные проявления этнического «я», национальной истории и традиций.

Подобный взгляд на историю балканской модернизации, как это ни странно, сразу же освобождает от каких бы то ни было размышлений о вторичности данного исследования, поскольку, как пишет уже упоминавшаяся выше Х. Дончева, «трансформация восточно-европейских обществ изучена слабо...» [Дончева 2008, 243]. Тем не менее уже существующий исторический анализ позволяет охарактеризовать процесс модернизации на Балканах как достаточно спонтанный, неоднородный и «конфликтный». Фактически перед нами узел сложнейших и часто противоречивых взаимоотношений, которые болгарский историк и политолог Н.А. Аврейски обозначил как «...многовековое поле языковых, этнических, религиозных и культурных переливаний...» [Аврейски 2007, 188].

Итак, географическое, стратегическое, цивилизационное положение Балкан формирует многогранное культурное поле, которое для органичного развития и подлинной глубинной модернизации нуждается в своеобразных переводчиках, информационных носителях, способных не только ускорить, но и упростить процесс обмена культурной информацией. Интересно, что подобные информационные транзиты оказываются наиболее интенсивными и востребованными именно в буферных зонах, или, пользуясь определением Н. Данилевского, в соответствующих «культурно-исторических типах». Таким образом, можно предположить, что подлинная широкомасштабная модернизация порождает в качестве косвенной составляющей особый институт, который можно было бы условно обозначить как институт «культурного посредничества»².

В той или иной форме подобное культурное посредничество встречается практически во всех цивилизационных концепциях, от А. Тойнби до Л. Гумилева и Г. Гачева. Так, «пассионарии», выводимые на историческую сцену Л. Гумилевым, вполне могут функционировать в предложенной А. Тойнби системе, где механизм зарождения цивилизации – это «взаимодействие вызова и ответа на вызов». «Окружающая среда, – пишет Тойнби, –

непрерывно бросает вызов обществу, и общество через творческое меньшинство успешно отвечает на вызов и находит решение проблемы...» [Сорокин 2001, 44–45]. Также правильно было бы вспомнить «метисов» Г. Гачева, который пишет о личном наложении «национальных полей разной мощности и уровня (широты и глубины)», в результате чего происходит «не диалог даже, а полилог национальных элементов...» [Гачев 1988, 428]. Таким образом, возникает перспектива размышлений о культурном посредничестве как о феномене, характеризующем процесс модернизации в целом и в Болгарии в частности. Необходимо лишь четко представлять суть самого процесса модернизации, определить причины возникновения такого посредничества, его внутренние черты и, наконец, индивидуальную специфику конкретных носителей культурной информации.

Итак, еще раз обратимся к достаточно аморфному (в историософской традиции XX ст.) термину – «модернизация». Одним из первых к будущей теории модернизации обратился Макс Вебер (речь идет о специфике его взглядов на истоки и пути развития современной западной цивилизации), это, впрочем, не мешает утверждать, что в современном своем понимании данная концепция начинает развиваться только с середины или даже со второй половины XX столетия. Сегодня Российская академия наук, а именно Институт славяноведения и балканистики, очень плодотворно изучает особенности преломления проблемы модернизации в плоскости славянской истории XX столетия, в результате чего в 2002 г. был опубликован сборник «Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в.» [Человек на Балканах... 2002] и в 2004 г. сборник «Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности» [Человек на Балканах и процессы модернизации... 2004]. Не настаивая на цикличности процессов модернизации, авторы, представленные в данных сборниках, в то же время отходят от принципов «линейности» модернизации, утверждая, вслед за известным российским историком Р.П. Гришиной, что мо-

дернизация – это «переход от состояния традиционности и архаичности к цивилизации западноевропейского уровня» [Человек на Балканах и процессы модернизации... 2004, 5]. «...Технологический отрыв Запада от Востока, приобретший к началу XX века почти абсолютные формы и восприятие Запада вследствие этого многими политиками и учеными в качестве особой «всемирной» цивилизации, превосходящей все другие общества, – развивает свою мысль автор, – поставил проблемы буржуазной модернизации практически в каждой стране» [Человек на Балканах и процессы модернизации... 2004, 5].

Итак, более прямая и радикальная модель модернизации, предложенная российскими авторами, все же сохраняет известную прерывистость и неоднородность. Очевидно, что такой вариант модернизации должен изобиловать повсеместными спадами и подъемами, широтой и в то же время некоторой ограниченностью в восприятии национального сознания в каждой конкретной стране. Для российских историков, обобщенную точку зрения которых приводит Р.П. Гришина, эта прерывистость модернизации связана с «матрицей традиционализма». В данном случае речь идет о феномене многовековой национальной традиции, которая в силу своей сложности и цельности может оказывать прямое воздействие на сам процесс модернизации и тем самым существенно определять тип или лицо любой конкретной (в данном случае балканской) прозападной культурной и общественно-политической интеграции. В качестве основных черт национальной традиции автором приводятся земледельческий тип культуры, коллективизм – в противовес западному индивидуализму, низкий уровень образования, романтизм и идеализация и т.д. [Человек на Балканах и процессы модернизации... 2004, 8–9].

В то же время нельзя не отметить, что на Балканах, и в частности в Болгарии, появляется целый ряд работ, склонных подчеркивать исконную, практически кровную связь Балкан с Западной Европой. Так, крупный болгарский историк, директор института истории БАН Г. Марков отмечает, что сегодня «... стародавнее понятие “Балканы” стало заменяться... по-

нятием "Юго-Восточная Европа", указывающим на то, что Балканы – это часть Европы, к тому же освободившаяся от своего мрачного прошлого» [Марков 2002, 24]. Подобную тенденцию российский историк А.Л. Шемякин с большой долей иронии определяет всего одной фразой: «Из балканского мрака на европейский свет» [Шемякин 2004, 27]. Впрочем, подобная ирония естественна и отнюдь не нова. Так, еще более ста лет назад русский мыслитель Н. Данилевский, размышляя о совместимости Запада и Востока, писал: «Запад, Европа составляют полюс прогресса, неустанного усовершенствования, непрерывного движения вперед; Восток, Азия – полюс застоя и коснения, столь ненавистных современному человеку. Это историко-географические аксиомы, в которых никто не сомневается; и всякого русского (тут читай «болгарского» или любого другого не западноевропейского. – Л.М.) правоверного последователя современной науки дрожь пробирает при мысли о возможности быть причисленным к сфере застоя и коснения... Итак, как можно громче заявим, что наш край европейский, европейский, европейский, – что прогресс нам пуще жизни мил, застой пуще смерти противен...» [Данилевский 2001, 36].

Впрочем, оставим иронию и прямо подчеркнем, что, двигаясь от поиска первоосновы, необходимой для подтверждения кровного родства со славянским миром и Россией, к анализу нескольких тысячелетий европейского прошлого (тот же Марков заявляет о том, что 25 веков назад именно здесь, на Балканах, было положено начало тому, что стало современной Европой...), болгарская историография, в конечном счете, всего лишь создает новые академические каноны, более востребованные в условиях современной внешнеполитической трансформации.

Итак, сегодня и в самой Болгарии, и в России налицо попытка непредвзятого, строго научного анализа основных аспектов балканской, или в данном случае Болгарской, модернизации, без излишней симпатии к западникам и в то же время без просоветски обязательного книксена в сторону России и славянского мира. Тем не менее нельзя не отметить, что как у оте-

чественной, так и у зарубежной историографии есть существенный недостаток, который выражается в стремлении большинства историков изучать исключительно либо западную, либо восточную историю и культуру. Налицо, отмечают авторы сборника «Историческая наука в Болгарии. Состояние и перспективы», «диспропорция» в познавательном процессе и разделенный на две части исторический контекст [Историческата наука в България...2006, 154]. Таким образом, историческая наука оказалась перед ярко выраженной потребностью в сравнительном анализе, позволяющем провести параллели между Западноевропейским, Восточным и Восточнохристианским направлением в развитии истории и культуры Балкан.

В таком контексте возникает естественный вопрос, а не слишком ли упрощенной выглядит та самая пресловутая «традиционная матрица» (цивилизационный аспект модернизации), которую многие историки ограничили некими описательными качествами, без крайне важного глубинного анализа ее составляющих. А именно, – что в глобальном контексте представляет из себя пришедший в противоречие с модернизацией традиционализм, которым, в сущности, и жертвует мир Балкан, погружаясь в волны глобализации и активно интегрируясь (как на рубеже XIX–XX ст., так и сейчас) в европейское культурное и экономическое пространство.

Работа над подобной проблемой сразу же поднимает на поверхность задачи личностной атрибуции, или, как определяет сегодняшнюю историософскую лауну в балканистике Г. Марков, проблему поиска «исторических корней общего наследия» [Марков 2002, 24]. В особенности это касается тех представителей интеллигенции, которые, сохраняя традиционную культурную матрицу, принимают на себя посредническую миссию эмиссаров западного цивилизационного пространства. При этом очевидно, что для оценки их места и роли в культурной и политической жизни Балкан необходимо первоначально ответить на вопрос о сути культурного заряда, который они несут, о специфике национальных черт, причудливо сочетающихся в них с элементами западной культуры.

Таким образом, проблема персонификации возвращает нас к анализу основных направлений балканской модернизации. Что, в свою очередь, делает необходимым определение балканского архетипа, той глубинной формы национального традиционализма, которую оказалась не в состоянии перемолоть ни западноевропейская модернизация начала XX столетия, ни всеокрушительная вестернизация, глобализация XXI в.

Говоря об этническом самосознании, обуславливающем основы традиционализма, невозможно не отметить сложную противоречивость этнообразующих факторов. С одной стороны, это, несомненно, язык, государственная принадлежность, религиозная конфессиональность и т.д. В то же время, следуя за точкой зрения академика Г.Г. Литаврина, необходимо признать, что этническое самосознание не может не расширяться за счет представлений об общей «территории расселения этносов, об особенностях родной природы, исторической памяти о главных событиях этноса, о ее героях и мучениках, о собственных предках ("отеческих гробах"), об обычаях и нравах, одежде, привычной кухне и бытовом распорядке, о народных песнях и празднествах, музыкальных мотивах и ритмах и т.п.» [Литаврин 2002, 17].

В таком контексте противоречивое и сложное культурное пространство Балкан выглядит этнически и даже географически самобытным. В частности, размышляя о географическом факторе, проф. М. Громов в своей работе «Болгария и Россия в геополитическом и цивилизационном пространстве Европы» пишет: «Если охватить мысленным взором территорию всей Европы, то мы увидим, что она представляет своего рода огромный полуостров на западной оконечности Евразии, с трех сторон защищенный морями, а с четвертой – Балканами и Русью, которые издавна являлись ее форпостами, приграничной буферной зоной на восточном направлении» [Громов 2008, 33]. Ниже, поясняя свою мысль, автор отмечает, что речь идет о традиционной стратегической расположенности Балкан вблизи Босфора, на геополитической оси Запад – Восток [Громов 2008, 35–36]. Может быть, с этим связано развитие кон-

цепции Евразийства, заявившей о себе в Софии в 1921 г. («Исход к Востоку», сборник, опубликованный в Софии в 1921), концепции, признающей за народами Балкан особый культурный тип, не совместимый с ярко выраженным европейским и классическим восточным.

Впрочем, по поводу восточно-азиатских вкраплений в балканское культурное поле все тот же М. Громов отмечает, что со второй половины XIX в., а точнее, с момента освобождения в Болгарии наблюдается тенденция к изживанию «восточного прошлого». В итоге, по мнению автора, «было утрачено немало интересных памятников времен османского владычества...». Автор проводит интересные параллели, отмечая сходную буферность культурного и геополитического характера в Испании и Португалии, «где осуществился своеобразный синтез христианской и исламской культур, возник местный оригинальный стиль с мавританским акцентом» [Громов 2008, 34–35]. Причем для католического мира наличие мавританского стиля не означало примирения с восточным влиянием, но, напротив, служило напоминанием и органичной частью испанской реконкисты.

Сходство католического и восточно-христианского сопротивления исламскому влиянию (в данном случае на Балканах) позволяет говорить о местном варианте «Православной реконкисты». В то же время нельзя не отметить, что, несмотря на очевидное антиисламское и антиосманское сопротивление на Балканах, эти территории сохранили ощутимую ауру восточного мира, а кемалистская революция сделала возможным, по мнению некоторых современных болгарских историков, восприятие Турции в качестве нераздельной составляющей «пестрого в языковом, этническом и культурном отношении балканского мира» [Аврейски 2007, 188]. Собственно, эти восточные мазки на балканском этнокультурном полотне встречались и встречаются повсеместно, оставляя свои следы в смуглости лиц и абрисе тел, в окончаниях фамилий, в крепчайшем кофе, музыке и типовой архитектуре. Последнюю непроизвольно, но весьма верно оценили артисты Московского художественного театра, побывавшие в Софии во

время гастролей 1920 г.: «...дома одноэтажные, с садиками, много глухих глиняных заборов и домов без окон, вернее, с окнами в закрытые дворы – влияние Турции, Востока...» [Гришина 2004, 102].

Отмеченная восточная и восточноправославная аура Балкан формирует особую направленность местного менталитета, который в некоторых аспектах приходит в очевидное противоречие с западным мировоззрением. Болгарская исследовательница И. Цакова подчеркивает, что в западной культуре основа – это «христианская традиция (западное христианство) и формальная сила Римского права. А мы (болгары. – Л.М.) восточноправославные со всеми вытекающими из этого культурными последствиями... К соответствующим «культурным последствиям» автор относит «нигилистическое отношение к закону и государственности, преклонение перед авторитетами, а не перед нормами, доминирование эмоций над разумом» и т.д. и т.п. [Цакова 2007, 226].

В свете сказанного понятна достаточно острая в прошлом потребность в нашем курносом и конопатом славянском Петрухе, который бы смог разобраться в этом тонком «восточном деле». Однако смена политических ориентиров в условиях культурной многогранности Балкан дала шанс совсем иной политической составляющей, выраженной в лице подчеркнутой прозападной интеграции региона.

Многие современные болгарские и постсоветские историки обращают внимание на политический аспект сегодняшних принципов модернизации, связанных с интересами США в этом регионе [Дончева 2007, 231–240]. В частности, они подчеркивают, что, в отличие от Средней и Центральной Азии, американский интерес к балканским странам является «исключительно геополитическим и военным». Контроль над Балканами особенно важен для США как в отношении Ближнего Востока, так и против России, Западной Европы и Евразии. Не случайно он рассматривается специалистами (в этом контексте интересна позиция уже упоминавшейся болгарской исследовательницы Х. Дончевой) как инструмент тотального геополитического атлантического контроля на суше. Так, по

мнению Х. Дончевой, позиция США и в отношении балканского, и в отношении евразийского пространства одна и та же – «раздробление на множество мелких, слабых и легко манипулируемых государств, которые оказываются под своеобразным протекторатом США» [Дончева 2007, 234]. По мнению автора, подобная политика вредна не только для самих Балкан, но и для интересов Западной Европы. Поэтому Балканы включены в план Европейской интеграции как инструмент обеспечения самостоятельной мировой политики ЕС [Дончева 2007, 231–240].

Данный тезис привлекает очевидной связью идеологических аспектов модернизации с политическими приоритетами Западной Европы, пусть часто зависимой от стратегии США, но, вне всякого сомнения, имеющей на Балканах (как на рубеже XIX–XX вв., так и сегодня) собственные интересы. При этом Запад, в отличие от США, осознает, по мнению многих болгарских авторов, сложную природу балканской ойкумены, более четко расставляет акценты, отмечая характерную для болгар комбинацию «евразийской направленности с левантийским элементом, с влиянием Ближнего Востока» [Дончева 2007, 237].

Так, все та же Х. Дончева считает, что вхождение в ЕС нельзя рассматривать в качестве окончательного ответа на национальные потребности страны, это было бы смертью для нее [Дончева 2007, 231–239]. Автор размышляет о том, что Европа принимает евразийскую природу Болгарии, так же как и осознает евразийское значение России, значительная часть которой, тем не менее, также часть Европы. В таком контексте сущность Болгарии «славянская, православная и евразийская», а ее задача в отношении Европы в целом остается прежней – «один из наиболее значимых перекрестков Евразии, она (Болгария. – Л.М.) связывает море и континент, Средиземноморье и Россию, Ближний Восток и Центральную Европу» [Дончева 2007, 239].

Итак, болгарский традиционализм формируется из сложного сочетания элементов православного (византийского), османского и западноевропейского менталитетов. И

именно в осознании возможности подобного культурного синтеза величайшее гуманистическое значение современной цивилизации. Не белое и черное, не Запад и Восток, а значит, и не историографический дуализм, который высмеивал еще Н. Данилевский, но многообразие культур, сложность и красота их единодействия и взаимодополняемости.

Таким образом, географически, политически, культурно Христианский Восток может и должен рассматриваться как самобытный регион с особым типом культуры, политической культуры в том числе. В частности, австрийский исследователь К. Казер пишет: «Балканы – другое, единое и по многим аспектам сильно отличающееся от того, что зовется Европой. Однако следует воздержаться от того, чтобы любое другое считать не цивилизованностью. Балканы всегда представляли и сегодня представляют иную цивилизацию, точнее сказать – культуру» [Шемякин 2004, 28]. Впрочем, другой немецкий эксперт, оценивая стратегию Великих держав на Балканах, речь идет об Отто фон Бисмарке, решительно заявлял, что его «мало интересуют овцекрады с нижнего Дуная», а также отдельные «вонючие гнезда», как он открыто называл многие балканские города [История дипломатии 1945, 48]. Интересно, что чуть более корректно, но не менее неприязненно писал о балканских странах и их гипотетической внешнеполитической самостоятельности и Дизраэли. «Здесь царят, – отмечал он, – политические интриги, непрекращающееся соперничество партий ... расовая ненависть, ограниченность враждующих религий и, главное, ощущается отсутствие верховной контролирующей власти, которая могла бы держать эту немалую часть земного шара в состоянии, напоминающем порядок» [Виноградов 2003, 18]. В данном случае налицо неприятие иного типа культуры, неприятие зарождающихся претензий на политическую самостоятельность там, где ожидалось встретить всего лишь плацдарм для реализации непосредственных ближневосточных интересов. В результате возникает устойчивая потребность в генетических носителях традиционализма, способных в той или

иной форме экспортировать западную культуру в эти беспокойные и самовольные области, которые западные страны и сегодня считают «опорой» для «европейского моста в Азию и Африку» [Аврейски 2007, 188].

Собственно, обращаясь к политической истории как к части общего цивилизационного процесса, нельзя не отметить, что на рубеже XIX–XX ст. Балканский полуостров становится важнейшей стратегической зоной, в которой пересекаются интересы практически всех Великих держав, так или иначе заинтересованных в своем экономическом и политическом продвижении на Ближний Восток. В этой связи очевидно, что проблема географической, политической и культурной самобытности Балкан и собственно Болгарии неотделима от вопроса об экономической самостоятельности региона. Однако и здесь наблюдается та же тенденция балканского обособления. В частности, российский историк В.И. Шеремет отмечает, что в качестве реакции на внешнее массированное давление Запада в пространстве периферийных европейско-пограничных провинций Османской империи (на Балканах в первую очередь) начинает утверждаться новый экономический регион, который автор в своей статье «Османская империя в международных отношениях на Балканах» назовет «балкано-малоазиатским» [Шеремет 2003, 30, 32].

Наконец, хотелось бы подчеркнуть, что отмеченная выше геополитическая, экономическая и культурная самобытность балканского региона в конце XIX – начале XX ст. осложнялась периферийностью цивилизационного воздействия Западной Европы. Подобное культурное взаимодействие привело к возникновению особого цивилизационного поля, которое российский культуролог Г. Гачев назвал типом «мысли и слова» (используя этот термин для Болгарии, а опосредованно можно сказать, что и для Балкан в целом), или архетипом «озирающимся и самодовлеющим» [Гачев 1988, 96]. Речь идет о характерной тенденции «непрерывной ориентированности на более развитый мир» [Гачев 1988, 95]. Фактически тут был поставлен вопрос об истоках догоняющей, прозападной мо-

дернизации, что естественно для страны, находящейся в фарватере культуры и политики современного ей западного мира. И все же ни европейское вмешательство, ни 500-летнее османское влияние не смогли растворить национальной самобытности Балкан. Напротив, – подчеркивает Г. Гачев, – возникла «утонченнейшая культура материнского молока, создающая твердые нравственные устои, рафинированный ритм жизни, чутье времени и поры» [Гачев 1988, 97]. И так, синтез восточной и восточнохристианской культур, даже выступая в качестве объекта западной модернизации, формирует особый мировоззренческий тип – тип, который и сегодня во многом определяет национальное, а точнее, народное (глубинное) сознание.

Все выше сказанное позволяет более или менее четко определить черты, необходимые для культурного посредничества. С одной стороны, традиционализм требует некой общей этнической культурной почвы, принципов коллективизма, идейности и даже романтизма, с другой – потенциальный посредник должен быть образован по-европейски, должен быть способным вместить в себя западные традиции и быть влюбленным в них настолько, чтобы оказаться в состоянии проецировать их на окружающих, даже зараженных традиционалистским нигилизмом. Плоть от плоти и кровь от крови своей страны, посредник должен не только вмещать в себя сложнейший узел межкультурных взаимоотношений, но и должен оставаться свободным от них, сохраняя потенцию просветительства и гуманизма.

Итак, Балканы, и Болгария в частности, – это сложный, самобытный регион, обладающий особым политическим, экономическим и цивилизационным значением. Выступая в качестве буферной зоны между Востоком и Западом, этот регион оказался центром пересечения европейской и исламской культур, при особом воздействии восточнохристианских духовных ценностей и восточноправославной морали. Последнее стало источником евразийских вкраплений в балканский менталитет и соответственно в традиционалистский элемент современной балканской модернизации.

Сам процесс модернизации, воспринятой на Балканах с конца XIX столетия, состоялся не только как политическое или экономическое, но и как культурное явление. В этом смысле феномен модернизации необходимо рассматривать (как тогда, так и сейчас) в качестве синтеза проевропейского реформизма с национальным традиционализмом, как цивилизующее начало, способное в то же время сохранять ценнейшие приобретения национальной истории и культуры. В этом контексте так называемая «линейная» модернизация может быть опасна своей агрессивной амбициозностью. Для конца XIX – начала XX ст. такая угроза аккумулировалась в лице индивидуалистической политики России и Великих держав, сегодня она опасна экономической и культурной экспансией американско-европейской цивилизации.

Интуитивно ощущая потребность в цивилизационной модели модернизации (в противовес ее агрессивному линейному началу), балканцы (и непосредственно болгары) выдвинули на историческую авансцену особую категорию пассионарного меньшинства – людей, способных не только принимать европейское модернизированное начало, но и сохранять и даже проецировать в иную культурную среду собственные цивилизационные приобретения. Так следствием балканской модернизации стало формирование особого института культурного посредничества, базисом для развития которого стало практически все либеральное и «правомарксистское» крыло балканского политического бомонда. Более того, посреднические функции сегодня не только не исчерпаны, но продолжают развиваться, еще более усложняясь за счет сохраняющейся буферности Балканского региона. Можно сказать, что нынешнее культурное посредничество еще более актуально, поскольку функционирует в свете современных интеграционных процессов. Собственно, оно как бы еще раз утверждает, что вопреки глобализации и растиражированным штампам массовой культуры только «глубокое, спокойное исследование... раскрывает каждому народу глаза на бездну красоты, силы и незаменимую ценность культуры друго-

го народа, пестуя трепетное уважение к ее уникальности». Именно в процессе этого естественного стремления к сохранению собственной культурной значимости, при постоянной тяге к обретению лучших достижений мировой цивилизации каждый,

народ будет осознавать «свои несовершенства» и то, «чем восполняет их национальная культура соседа, благодаря чему они и нужны друг другу». Как писал Георгий Гачев: «Возлюбленная непохожесть – вот что славно!» [Гачев 1988, 429].

¹ По Л.Н. Гумилеву, пассионарность – эффект избытка биохимической энергии живого вещества... пассионарный импульс – поведенческий импульс, направленный против инстинкта личного и видового самосохранения [Гумилев 1993, 497].

² Далее термин «культурное посредничество» употребляется без кавычек.

Литература

Аврейски Н. Балканското направление на външната политика на република България // **България на Балканите и с Европа. Минало, настояще и бъдеще.** София, 2007.

Бердяев Н. **Смысл истории.** Москва, 1990.

Виноградов В.Н. Восточный вопрос в большой европейской политике // **В «пороховом погребе Европы» 1878–1914.** Москва, 2003.

Гачев Г. **Национальные образы мира.** Москва, 1988.

Гришина Р.П. Болгария: опыт социализированной модернизации (кон. XIX – первая половина XX в.) // **Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.).** Санкт-Петербург, 2004.

Громов М. Болгария и Россия в геополитическом и цивилизационном пространстве Европы // **130 години от руско-турската освободителна война (1877–1878) и възстановяването на българската държавност.** София, 2008.

Гумилев Л.Н. **Этногенез и биосфера земли.** Москва, 1993.

Данилевский Н. Цивилизация европейская тождественна ли с общечеловеческою? // **Сравнительное изучение цивилизаций.** Москва, 2001.

Дончева Х. Българската модернизация в начало на XXI век: теоретични аспекти и исторически паралели // **130 години от руско-турската освободителна война (1877–1878 г.) и възстановяването на българската държавност.** София, 2008.

Дончева Х. Българските предизвикателства: Между балканските реалности и европейските перспективи // **България на Балканите и с Европа. Минало, настояще и бъдеще.** Т. 1. София, 2007.

Историческата наука в България. Състояние и перспективи. София, 2006.

История дипломатии. Дипломатия в новое время. Т. 2. Москва, 1945.

Литаврин Г.Г. Этнос – Народность – Нация // **Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в.** Санкт-Петербург, 2002.

Марков Г. Балканы и «балканизация». Историческая судьба балканских народов в XX веке // **Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в.** Санкт-Петербург, 2002.

Сорокин П. О концепциях основоположников цивилизационных теорий. Основные положения концепции А. Тойнби // **Сравнительное изучение цивилизаций.** Москва, 2001.

Тойнби А. О территориальном распространении как критерии развития цивилизации // **Сравнительное изучение цивилизаций.** Москва, 2001.

Цакова И. Българската политическа система и нейното европейско бъдеще // **България на Балканите и с Европа. Минало, настояще и бъдеще.** Т. 1. София, 2007.

Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. Санкт-Петербург, 2002.

Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в. Санкт-Петербург, 2004.

Шемякин А.Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX в. глазами русских // **Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.)**. Санкт-Петербург, 2004.

Шеремет В.И. Османская империя в международных отношениях на Балканах // **В «пороховом погребе Европы» 1878–1914**. Москва, 2003.